

A vibrant, cyberpunk-style illustration of a city street at night. The scene is dominated by deep blues and purples, with warm orange and red lights from buildings and street lamps creating a hazy, atmospheric glow. A lone figure in a dark coat and hooded jacket stands in the center of the street, looking towards the horizon. The architecture is dense and futuristic, with various signs and structures visible. The overall mood is mysterious and cinematic.

Любовники туманного города

Сергей Веденъё

Сергей Владимирович Веденьё

Любовники туманного города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70241224

SelfPub; 2024

Аннотация

Роман "Любовники туманного города" – это фантастический любовный роман, написанный в жанре магического реализма. Так же можно назвать этот роман – кинороманом. Жизнь главных героев Александра и Вероники и их путешествие проходит сквозь время и охватывает все отношения, которые бывают между мужчиной и женщиной во все времена. В отношениях, в которых есть только одна бесконечная дорога – путь любви.

Сергей Веденьё

Любовники

туманного города

Не стойте на пути человека с мечтой.

*Его мечта может оказаться гораздо сильнее своего
хозяина.*

Три золотых слова – Любовники туманного города – выведенные виньеткой курсива медленно проявляются на чёрном полотне экрана и так же плавно растворяются в прохладной темноте кинотеатра. Ещё мгновение и темнота, меняя цвет, отступает. Экран становится светлее. На тёмно-лиловом небе высвечиваются рваные облака. Они хаотично клубятся и уверенно ползут навстречу пурпурному горизонту.

Изображение становится отчётливей и контрастней. Над угловатыми очертаниями мокрого мегаполиса, словно вата, висит оцепеневшая туманная пелена. Проявляются силуэты небоскрёбов, огни светящихся витрин, линии размеченных шоссе.

В пустынном городе туманная ночь. Мелкий едва заметный дождь моросит по зеркальным лужам. Ключья бумажно-

го мусора бесцельно перекатываются по асфальту. Тротуары почти безлюдны. И лишь иногда какая-то одинокая фигура неожиданно появляется и так же внезапно исчезает. Город, словно замер, в предчувствии чего-то неожиданного и неизбежного.

Издаലെка, эхом доносятся звуки приближающихся шагов. Вслед за ними из тумана переулка выходит высокий, немного сутулый мужчина в чёрном промокшем плаще. Он идёт неуверенной походкой, слегка прихрамывая на одну ногу, прямо по лужам, словно тащит своё тело из последних сил.

У жёлтого фонарного столба он останавливается, тяжело дышит и хрипло кашляет. По его лицу в глубоких морщинах стекает вода. На щеках блестит клочковатая рыжая щетина с проседью. Глаза широко открыты и полны тревоги. Он озирается по сторонам, смотрит вниз, на свои мокрые ботинки и, словно помешанный, что-то тихо и невнятно бормочет.

Вдруг, в стройную графику очертаний города врывается луч света и где-то поблизости шелестят автомобильные покрышки. Старик с опаской осматривается по сторонам и прячется за ближайшее дерево. Полицейская машина неторопливо с ползущим шелестом проплывает мимо него и исчезает в ближайшем переулке. Он провожает её взглядом и облегчённо вздыхает. На тротуар снова опускается тишина. Только капли воды мерцают в плоских лужах, и доносится его мерное сиплое дыхание.

Отдышавшись, старик снова выходит на дорогу. Пройдя

перекрёсток, он выходит к стоящему впереди мосту. Мокрым рукавом плаща утирает лицо. Картинка становится отчётливей и контрастней. Освещённый со всех сторон прожекторами, мост выглядит исполином и божеством туманного города. Старик, словно заворожённый смотрит на него и протирает от влаги глаза.

Как радужные стеклянные осколки в детском калейдоскопе, перед его глазами искрятся разноцветные габаритные фонари. Они крутятся, мерцают, вспыхивают и гаснут. Будто ребёнок в парке аттракционов, он замирает, пристально смотрит на цветные всполохи и улыбается.

Старик делает ещё несколько осторожных шагов в сторону моста, до которого остаётся всего несколько сотен метров. Слева от него – огороженное железной сеткой одноэтажное из красного кирпича здание с ярко светящимися окнами. Он входит во двор, где мокнет полицейская машина, осторожно подбирается к окну и украдкой заглядывает внутрь.

В комнате несколько столов. Вдоль стены мониторы, на которых с разных ракурсов виден освещённый мост. За одним столом – тучный седой мужчина с добродушным круглым лицом в темной форме полицейского. Стол перед ним завален бумагами и остатками фастфуда. Над столом висят часы с неоновыми цифрами.

В центре комнаты стоит молодой коротко стриженный брюнет с орлиным профилем, и смущённо переминается с

ноги на ногу. Седой мужчина вытирает руки салфеткой и разваливается в кресле. На его веснушчатом лице снисходительная улыбка.

– Значит, у тебя сегодня первое дежурство, да? – низким голосом спрашивает седой и вытирает губы салфеткой.

– Так точно. Стажировка, – карикатурно выкрикивает брюнет и гордо вытягивается.

Седой неторопливо встаёт из-за стола, выходит на центр комнаты и ходит кругами вокруг новичка. Стажёр неловко вертит головой, но остаётся стоять на месте, как манекен.

– Это хорошо. Ну, что ж, стажер! Правила нашей работы простые. Первое – до конца смены я – твой горячо любимый босс, правда?

– Так точно, босс! – иронизирует стажер.

– Вот. Молодец. Это первое правило. Будем считать, что ты его усвоил. Второе правило – без моего разрешения никакой самостоятельности. Правильно?

– Так точно, босс! – почти выкрикивает Брюнет.

Седой складывает руки на груди и театрально задумывается.

– Уж и не помню, когда это началось, но я с детства не люблю художественную самостоятельность. Переигрываешь. А какое правило третье? Знаешь? – лукаво спрашивает седой и заглядывает в глаза юноши.

– Думаю, я узнаю это в процессе нашей совместной и успешной оперативной практики! – чеканит юноша.

– Эх, неправильно. Не угадал. Если ты проигнорируешь первые два – третьего правила может уже и не быть никогда. И я бы на твоём месте засунул свой сарказм куда-нибудь подальше. Итак, можешь звать меня просто босс или как меня зовут на посту – Седой. Понятно?

– Понятно, Седой. – кивает брюнет.

– И зафиксируй это навсегда! Ну, а теперь, у тебя есть какие-нибудь пожелания, просьбы?

– Есть. Можно я тоже возьму себе позывной?

– Позывной? Это уже любопытно. Какой?– интересуется Седой.

– Ну, например, Стервятник.

Седой, удивлённо таращит глаза на новичка, старательно скребёт широкий затылок и смеётся. Через несколько секунд смеха его одолевает кашель и на глазах появляются слезы. Он берет со стола салфетку и громко сморкается.

– Как ты говоришь? Стервятник? Ну что ж... красиво и страшно. У тебя даже профиль, как у мачо с глянцевого журнала... А ты случайно моделью не работал?

– Пока только думаю. Но не знаю с чего начать.

– Ну, если не знаешь, то и не начинай. А не получится, что ты при первой же опасности из стервятника превратишься в напуганного воробушка?

Брюнет смущённо опускает голову. Затем, улыбаясь, словно, наконец-то нашёл правильный ответ, выпаливает.

– Впрочем, можно немного попроще. Например, Брюнет.

А?

– Вот. Думаю, так лучше, – улыбается Седой и похлопывает Брюнета по плечу.

– Слушай. Завтра я уйду в отпуск и хочу, чтобы сегодня все прошло тихо и без экстрима. Никаких ограблений, драк, наркоманов, извращенцев. А уж потом ты сам себе будешь Босс. Если доживёшь, конечно.

Он, кряхтя, вытаскивает из шкафа деревянную коробку с шашками, вываливает шашки на стол и расставляет их на доску.

– Смена только началась. Так что мы с тобой ещё успеем промокнуть. А теперь давай-ка сыграем в шашечки. Для интеллектуальной гимнастики. Полезно.

На мгновение он замирает, прислушивается и смотрит в окно, словно чувствует, что за ним кто-то наблюдает.

Старик, который наблюдал эту сцену с улицы, тут же пригибается и, стараясь избегать освещённых мест, выбирается за территорию полицейского участка. Седой посмотрев в окно, садится за стол и жестом приглашает Брюнета к игре.

Седой и Брюнет расставляют шашки и начинают. Седой делает первый ход. Брюнет тут же отвечает. Седой двигает шашки плавно, вкрадчиво и уверенно. Брюнет легкомысленно и торопливо. Через несколько ходов Седой задумывается. Брюнет шутливо подмигивает.

– Ну, что, Босс, задумался? Плохо твоё дело, да? Это тебе не преступников ловить. Здесь думать надо. Надо было на

кофе играть.

Седой аккуратно двигает шашку. Брюнет, не раздумывая, двигает свою.

– Думать тебя учили в академии. А здесь придётся работать, – бормочет он и срубает шашку Брюнета.

Брюнет в ответ тут же берёт шашку Седого.

– Вот для этого меня и прислали. Ты будешь учить меня оперативной работе, а я тебя буду учить думать. Договорились? – оптимистично декламирует Брюнет и тихо посмеивается, радуясь своей шутке.

Седой срубает сразу три шашки и проходит в дамки.

– Нет. Мы договоримся, только если я буду думать, а работать будешь ты. Согласен?

Брюнет глупо смотрит на доску, скребёт ногтем торчащее ухо и разводит руки.

– Согласен. Других вариантов, кажется, уже нет.

В это время на одном из мониторов появляется привлекательная девушка. Брюнет берет пульт и прибавляет громкость. Перед картой стоит привлекательная брюнетка в элегантном брючном костюме.

– Смотри. Сегодня новенькая. Меняются чаще, чем погода. Посмотрим?

С чувством достоинства и неуверенно жестикулируя, девушка читает сводку погоды.

– На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что туман, который стоит над городом вот уже несколько ме-

сяцев в ближайшие дни начнёт рассеиваться. Такой оптимистичный прогноз дают наши эксперты. В связи с этим сразу после нашего выпуска новостей в эфир выйдет программа «Прогнозы». Мы с интересом ждём в нашей студии ведущих синоптиков города. Оставайтесь с нами и после рекламы вы узнаете, что ждёт нас ближайшее время. Нас ждут хорошие новости.

Седой поднимается со стула и выключает телевизор.

– Они уже полгода говорят одно и то же. Как попугаи. Туман скоро рассеется. Выпадение тумана прекратится. Только подождите. У людей уже нервы не выдерживают. Люди пьют, травятся наркотиками, сходят с ума, кончают самоубийством. А они там как-то легкомысленно относятся к погоде.

Брюнет хмурится и смотрит на другой монитор. По мосту движется фигура человека.

– Смотри! Смотри! Кажется, там кто-то идёт! – выкрикивает он.

Седой вскакивает и тут же склоняется к экрану. Нажимает несколько кнопок, увеличивает изображение и на экране появляется лицо старика крупным планом.

Старик, торопливо и целенаправленно идёт к центру моста. На середине он останавливается, оглядывается по сторонам, цепляется руками за железную ферму и забирается вверх.

– Ну, поздравляю тебя. Кажется, это твой первый кузне-

чик. Сразу видно, что на джусе. И похоже, что затеял он что-то недоброе.

Брюнет растерянно смотрит на Седого.

– И что теперь делать-то?

– Как что? Спасать человека. Тебя этому не учили? Доставай карабины и бегом в машину.

Седой хватает со стола ремень с кобурой и выбегает из комнаты. Брюнет бежит за ним, на ходу застёгивая ремень. Оба выбегают из участка и садятся в машину. Под звуки сирены, машина выезжает из участка. Брюнет ловко выкруливает на дорогу, ведущую к мосту. Седой смотрит на часы.

– Хорошенькое дело! В самом начале смены! – кричит Седой.

– Да уж! Я тоже считаю, что так несправедливо.

– Вот тебе прекрасная возможность в первое же дежурство спасти драгоценную жизнь человека. Если успеешь, конечно. Вот три дня назад одного спасти не успели. Разбился в лепёшку прямо на глазах.

Седой нервно потирает руки. Брюнет резко тормозит на середине моста. Вдоль набережной мелькают огни высоток. По реке ползёт и приветственно сигналист баржа. Проезжающие машины снижают скорость и осторожно объезжают полицейскую машину. Полицейские выходят из машины и смотрят вверх, пытаясь осветить осеннюю туманную изморось. В это время старик поднимается на нескольких метров. Его грязные крючковатые руки, словно когти хищника, цеп-

ляются за ржавую ферму моста и поднимают его всё выше и выше. Брюнет и Седой смотрят верх, оценивая ситуацию.

– Может, вызовем помощь? Как мы его снимать – то будем? – растерянно предлагает Брюнет.

– Наше дело – остановить его. А снимать, возможно, будут другие. Полезай за ним и попытайся как-нибудь заинтриговать его, что ли, – приказывает Седой. – Это единственное, что мы можем сейчас сделать. Потом пристегни его. А снимать его будут другие.

– Я? Как я? Я ж высотой – то не очень дружу. – выпаливает Брюнет, не отрывая глаз от старика.

– И что? Будешь смотреть как пожилой и уважаемый человек, как я, полезет на такую высоту. Я же могу упасть.

Реплика производит впечатление. Брюнет суетливо застёгивает широкий пояс с нанизанными на него карабинами.

– Шеф, это же опасно!

– Давай – давай. Не стесняйся. Это твоё первое испытание. Просто поговори с этим мерзавцем. Ты же такой умный. Это возможно единственное, что мы можем для него пока сделать. А ему, наверное, очень бы хотелось с кем-то поболтать перед смертью, – бухтит Седой и тычет пальцем в грудь Брюнета.

Старик иступлено поднимается все выше и выше. Порывистый ветер развеивает его волосы и плащ.

Брюнет ловко поднимается за ним следом. Когда между ними остаётся всего несколько метров, старик замечает Брю-

нета. Это придаёт ему ещё больше силы и целеустремлённости. Он явно не собирается останавливаться и пытается забраться как можно выше.

Брюнет поднимается за ним и догоняет старика, только тогда, когда тот оказывается уже почти на самом верху фермы. Брюнет приближается к нему настолько близко, что они уже могут слышать друг друга.

– Эй, приятель! Я хочу с тобой поговорить. У меня есть отличная новость. Слышишь, очень хорошая новость. – кричит Брюнет.

Старик выпрямляется в полный рост, шатается и истерично хохочет.

– Только что по телеку сказали, что завтра будет солнечная погода, – продолжает Брюнет, – Так что начинается новая жизнь.

Но в это время старик отталкивается от фермы и прыгает вниз. Его тело исчезает и через мгновение под мостом раздаётся глухой всплеск воды, и старик исчезает в тёмной воде.

Седой склоняется через чугунный парапет, включает фонарь и освещает место падения. В это время под мостом доносится низкий басовитый гудок баржи. Она урчит и медленно, словно чудовище выползает из-под моста.

Луч фонаря мечется по пустой палубе и теряется в свинцовой колышущейся воде. Седой деловито и не торопясь подходит к машине и включает рацию.

– Первый! Я четвёртый пост. На мосту кузнечик. Мужчи-

на. На вид пятьдесят или шестьдесят лет. Высокий. Седые волосы. Видимо, понадобятся водолазы и врачи. Конец связи. Жду.

Он выключает рацию и раздражённо сплёвывает. Несколько любопытных шоферов – зевак притормаживают возле места происшествия и снимают полицейских на камеры смартфонов. Седой размахивает рацией, как жезлом, давая понять водителям, чтобы они проезжали мимо, как можно быстрее и не скапливались на мосту.

В это время Брюнет спускается и прыгивает с фермы на дорогу.

– Босс, я не мог быстрее, – оправдывается он, вытирая грязные руки об штаны, – Он хоть и старый, но шустрый, как мартышка.

– Не переживай. Я все видел. Ты не виноват. Это его выбор.

Брюнет вытирает руки и лицо. Он явно разочарован.

– Не по себе как-то! – неуклюже топчась на месте, бормочет Брюнет.

Седой кладёт руку на плечо Брюнета.

– Поздравляю! Теперь ты звезда интернета. Смотри сколько у тебя корреспондентов.

Седой и Брюнет подходят к парапету и внимательно смотрят вниз, освещая тёмную гладь воды. Баржа медленно удаляется.

– Как думаешь, он выйдет или нет? – спрашивает Брюнет

и вглядывается в глаза Седого.

– Боюсь что, он уже в подводном царстве, – отрезает Седой, – От туда уже не возвращаются.

– Слушай Седой, а если он останется жив, то выплывет метров через сто пятьдесят. Где-то там. Что скажешь?– спрашивает Брюнет.

На мост въезжает машина скорой помощи. Резко тормозит и выключает сирену. Выходят несколько человек в синих комбинезонах.

– Было бы хорошо, если б вышел. Но если не выйдет, то придётся тебе лезть в воду и вытаскивать его. Не боишься глубины? Плавать умеешь?

– А почему опять я? Может, он жив.

– Это было бы здорово. Чудо, можно сказать. Поехали, поищем, – бурчит Седой и постукивает Брюнета по плечу,– вдруг найдём наше чудо.

Чтобы выйти за пределы, нужно до предела ещё дойти.

Из воды показывается голова старика. Он жадно глотает воздух и, пытаясь удержаться на поверхности, суетливо размахивает руками, и в темноте движется к берегу. Перед ним, в нескольких метрах – бетонная площадка, от которой поднимаются две каменные лестницы, ведущие на набережную. Он выбирается из воды, садится на гранит и тяжело дышит. Как только его дыхание немного выравнивается, он огляды-

вається і смотрить в сторону моста. Мост уже достаточ­но да­леко, щоб що-то отчётливо разглядеть. Оттуда доносяться лише звуки сирен і вспишки поліцейських фонарей.

Старик улыбається, намагається віддышати­ся і стягну­ть с себе плащ, но сили к нему ещё не вернулись і он без­воль­но опу­скає руки.

– Эй, ты кто?– вдруг раздається із-за спи­ны дитин­ський го­лос.

Старик испуганно озирается по сторонам.

На лестнице, поджав колени, сидит дівочка. На вид ей лет семь. На ній ветровка с капюшоном, широкі джинсы, кроссовки на тов­стой подошве і кепка с ієро­глифом в виде эм­блемы. Из–под козырька кепки торчат пряди русых волос. Она под­ходит ближе і удив­лён­но раз­гля­ды­ва­ет его с го­ло­вы до ног.

Старик отворачивается і на­ма­га­ет­ся стя­гну­ть с себе плащ. На­ко­нец, ему это удаётся.

Дівочка поправляет кепку, і спу­ска­ет­ся не­мно­го бли­же к старику.

– Эй, ты кто? Ты меня, чего, не слышишь?

Старик кивает в ответ, под­ни­ма­ет і вы­жи­ма­ет плащ. На но­гах толь­ко один ботинок. Он снимает его, вы­ли­ва­ет во­ду і на­ма­га­ет­ся на­тя­ну­ть об­рат­но. За­тем за­ме­ча­ет, что вто­ро­го ботинка на но­ге нет. Ус­ме­ха­ет­ся і от­брасы­ва­ет ботинок в сторону.

– Что ты молчишь? Ты кто? – снова спрашивает дівочка.

– А что не видно?– бурчит старик і с улы­б­кой смотрит на

девочку. – Утопленник.

Девочка осторожно смеётся.

– Надо же! Как настоящий? – переспрашивает она.

– Самый... что ни на есть...

– Что-то не похоже? – косится на него девочка. – Покойники не разговаривают.

– А на что же это тогда похоже?

– Похоже, что тебя с моста сбросили.

Старик усмехается и садится на ступеньку ближе к ней.

– Нет. Я сам прыгнул. Жалко ботинок потерял.

Девочка осторожно, но с любопытством разглядывает незнакомца.

– Ну и как? Интересно?

– Интересно что?

– Ну, прыгать с моста – интересно? Я вот бы ни за что не решилась.

– А! Я бы так не сказал. Но мне понравилось.

– Странно, что в этом может быть хорошего?

– Ну, это примерно, как телепорт. Пролетел всю жизнь, и оказался в другой в одно мгновение.

– Глупости ты какие-то говоришь. Я не понимаю.

Он озирается по сторонам. В его глазах все ещё видна тревога. Они сидят рядом, и постепенно настороженность в глазах девочки сменяет любопытство.

– А зачем ты прыгал? Ты что, кого-то убил или ограбил?

Старик укоризненно смотрит в глаза девочки и кашляет

в кулак.

– Опять не угадала.

Она улыбается, осторожно прикасается к плечу старика и резко отдёргивает руку.

– Хотел утопиться что ли? – не унимается она.

– Что ты привязалась? Не до тебя. Иди домой, девочка.

Девочка склоняет голову набок и хитро щурится.

– А где твои ботинки, а?

Старик осматривает свои ноги.

– Потерял где-то. Хорошие были ботинки. С характером.

Будем считать, что я потерял их на вечерней прогулке.

Девочка снова прикасается к руке старика, словно проверяет, живой он или мёртвый.

– Потерять ботинки на прогулке невозможно. Это какая-то глупость.

– Как видишь, ситуации бывают разные, – иронично бросает он в ответ.

– А ты почему трясёшься? На улице вроде не холодно. Может ты наркоман?

– Нет. Немного трясёт почему-то. Но это не от холода.

– Что-то болит? Может ногу сломал? – спрашивает она.

– Нет. Это не больно. Скорей даже приятно. Маленькая приятная судорога какая-то. Сейчас пройдёт.

Старик поднимает голову вверх, глубоко вдыхает и облегчённо выдыхает.

На мосту видна прежняя суета – машины, фонари и сире-

ны. Он поднимается, смотрит на свои босые ноги, переминается и поднимается по ступеням.

– Ты куда? Тебе же нужно спрятаться? Если хочешь, я тебе помогу.

Старик поворачивается.

– А, что, ты можешь?

– Я знаю одно тайное место. Там тебя никто и никогда не найдёт. По крайней мере, там тепло и сухо. Согреешься и обсохнешь.

– И что ж это за волшебное местечко такое? Где никто и никогда. Где тепло и сухо.

– А тебе какая разница? Ты же хочешь спрятаться – пошли. Не хочешь – оставайся здесь и жди, пока тебя не заметут эти... фараоны.

Она показывает указательным пальцем в сторону моста.

– Смотри. Уже едут. Видишь, машина едет к нам.

Свет автомобильных фар с мигающей сиреной медленно движется в их сторону по набережной.

– Да. Да, кажется, такое волшебное местечко – это то, что сейчас нужно.

Девочка машет старику.

– Тогда пошли за мной.

Они поднимаются по лестнице, выходят на набережную, переходят дорогу и скрываются во дворе.

Шанс не бывает единственным в жизни.

Единственной бывает только жизнь.

Патрульная машина тормозит возле гранитного спуска к воде. Седой и Брюнет выходят из машины и внимательно осматривают площадку. Перед ними – только один мокрый ботинок. Седой аккуратно поднимает его двумя пальцами и пристально разглядывает со всех сторон. Брюнет тут же достаёт прозрачный пакет и протягивает напарнику. Седой кладёт ботинок в пакет и возвращает его обратно.

– Ну, поздравляю! Кажется, твой кузнечик вышел. Даже подарок тебе оставил. Держи. Будем считать, что это твой приз в Лиге Чемпионов.

Брюнет радостно рассматривает ботинок, снимает с пояса рацию и нажимает кнопку.

– Первый! Это четвёртый. Как слышишь?

– Слышу вас четвёртый, – доносится из рации.

– Кузнечик вышел. Отбой. – гордо отрезает он и отключает рацию.

Они поднимаются по лестнице и выходят на дорогу. Седой направляется к машине. Брюнет семенит за ним.

– Думаю, наш старичок далеко уйти не мог. Наверняка где-то здесь поблизости прячется. Пойдём, поищем бродягу, – угрюмо бурчит Седой.

– Зачем, босс? Жив, и слава Богу. Пусть гуляет на здоровье. Может ночная прохлада остудит его воспалённую голову.

ву, и мозги на место встанут.

Седой резко оборачивается к Брюнету и тычет указательным пальцем ему в грудь.

– Послушай. Этот мужик – самоубийца. А эти люди, как правило, не в своём уме. Он может оказаться дегенератом, убийцей, извращенцем. Кем угодно. И он может быть опасен для нормальных людей. Это понятно?

– Понятно, Босс. Социально опасен. Что ж тут непонятного?

– И ты должен его обязательно найти. Понятно?

– Найдём. Думаю, не многие гуляют босиком по городским лужам.

– Правильно. А вот это важная деталь для поиска. И зафиксируй это, как молитву.

Брюнет смотрит на ботинок в пакете, словно речь идёт о ботинке и виновато опускает голову.

– Хорошая кожа. Не бедный видно старичок.

Они садятся в машину. Брюнет поворачивает ключ зажигания. Машина не заводится. Он снова пытается её завести.

– Этого ещё не хватало! Все это дерьмо из-за влаги. Полгода всё в тумане. И самоубийцы эти, как кузнечики прыгают. То с крыши, кто с моста. И аварии на дорогах. Я вот каждый день смотрю новости и складывается такое ощущение, что мы все потихоньку сходим с ума. – тараторит Брюнет.

– Не волнуйся, если ты сойдёшь с ума – ты об этом никогда не узнаешь. Нервы, – вот причина всех проблем, – фи-

лософски замечает Седой. – Нужно держать себя в руках. В такое время, нервы – это самое важное.

– Так точно, очень точно, шеф. – радостно декламирует молодой.

Седой, хитро улыбаясь, заглядывает в глаза молодого. Брюнет мгновенно перестаёт улыбаться и пытается изобразить серьёзное выражение лица. Брюнет нажимает на педаль, машина разворачивается и плавно исчезает в тёмном провале переулка.

Когда сбывается мечта – приключения только начинаются.

Старик и девочка бредут по изогнутой улице. Она на два шага впереди. Он – плетётся сзади. У неё лёгкая, немного пружинистая походка. Она постоянно вертит головой по сторонам, контролируя всё, что происходит вокруг. Он же ступает с осторожностью, уставясь в тротуар, боясь наступить босыми ногами на что-то острое. Они проходят мимо пустых столиков летней террасы под обмокшими тентами. Возле бара они сталкиваются с кучкой дымящих и гогочущих подростков. Осторожно обходят их, стараясь не столкнуться и не привлечь внимания. Свет и музыка из окон бара падает на мокрый асфальт тротуара, разливаясь по разноцветным лужам.

– Куда ты меня ведёшь? – смахивая морось с лица, ворчит

старик.

– Потерпи. Осталось немного, – не терпящим возражений голосом добавляет она, – Что ты такой нетерпеливый?!

– А чей это дом? – недоверчиво спрашивает Старик. Может ты объяснишь всё-таки.

Девочка оборачивается, смотрит на старика и тихо смеётся.

– Это не дом. Это обычный подвал. Пошли, не бойся. Я тебя не съем.

– Ну, я так, чисто из любопытства. А что в этом подвале, делаешь ты?

– Я? – смеётся она. Я там живу.

– А там есть кто-то ещё? – пристаёт к ней старик с расспросами.

– Нет. Это место знаю только я. Я его случайно обнаружила. Проследила за одним рабочим этого дома. Но сейчас сюда уже никто не приходит.

Старик берет девочку за руку, останавливается и опускается на корточки.

– У тебя нет дома? Что случилось? Может, расскажешь? Тебя же, наверное, ищут по всему городу. Может, пойдём в полицию?

Девочка снова смеётся.

– Раз я живу там, значит, другого дома у меня нет. Мог бы и догадаться.

– Ну, это я понял, то есть не совсем. И давно ты там жи-

вёшь?

– Что же ты такой любопытный. Пошли. Это не интересная история.

Мужчина встаёт и следует за девочкой.

– А родители у тебя есть? – осторожно пытается начать разговор старик.

Девочка резко вырывает руку и с раздражением выпаливает.

– Ты что, тупой что ли? Если я живу в подвале, значит, у меня нет дома. Если нет дома, значит, и родителей у меня тоже нет. Ты, что совсем, что ли?

Говоря это, она крутит пальцем у виска, пинает бумажную коробку и отворачивается.

– Ну, прости. Я не хотел тебя обидеть.

Девочка оборачивается.

– Я сбежала из приюта.

– Зачем? Там же наверняка было лучше, чем на улице? Ничего не понимаю – недоумевает старик.

– Вот привязался. Не нравится – найди что-нибудь получше.

– Прости. – виновато оправдывается он. Просто мы немного поговорили, и кое-что узнали друг о друге. Познакомилось, что – ли. Ну и многое стало ясно.

Она останавливается и, глядя в его глаза, резко бросает.

– Подозрительный ты какой-то. А я и не обижаюсь. А если ты попробуешь меня обидеть – у меня есть нож. Понял?

Старик чешет щетину и изумлённо смотрит на девочку и, поднимая руки вверх, словно сдаётся в плен, замирает.

– Понял. Больше вопросов задавать не буду.

Вдруг прямо передними вспыхивают фары автомобиля с синей мигалкой. Старик испуганно смотрит по сторонам.

– Патруль! Что будем делать? – медленно по слогам чека-нит Старик.

– Спокойно. Возьми меня на руки. Быстрее. И спрячь свои ноги за эту коробку. А то они мигом тебя раскусят. Нормальные люди босиком по ночам не ходят.

Девочка протягивает к нему руки. Старик бережно берет её на руки и скрывает ноги за коробкой. Она крепко обнимает его за шею одной рукой и плавно жестикулирует другой, словно находится в радостном беспечном расположении духа.

Машина притормаживает и медленно проезжает мимо них. За стеклом серьёзное и угрюмое лицо Брюнета. Он опускает глаза и оглядывает парочку с головы до ног. Девочка беспечно размахивает рукой, изображая актрису на сцене. Он качает девочку на руках, слегка приседая и пританцовывая. Перед ногами Старика стоит картонная коробка, которая скрывает его голые ноги.

Брюнет нажимает газ, и машина теряется на светофоре. Старик переводит дух и опускает девочку на асфальт.

– Да. Это было круто. Я даже сама напугалась. – звонко смеётся она и её смех эхом разносится двору.

– Вообще-то ты молодец, – облегчённо скрипит Старик и протягивает ей свою ладонь. Ты сообразительная. Я бы не смог так быстро придумать такой спектакль.

Девочка, словно в знак примирения хлопает по его грязной руке своей маленькой ладошкой три раза.

– Жизнь заставит. А как тебя зовут – то? – спрашивает она.

– Александр.

– А я буду Вероника.

Старик протягивает ей грязную руку. Вероника протягивает свою. Они хлопают по ладошкам.

– Пошли скорее. Осталось совсем чуточку.

Две фигуры, взявшись за руки, двигаются дальше.

– А у тебя есть дом? – спрашивает Вероника после недолгого молчания.

– Теперь уже, кажется, нет, – отвечает он. Я не знаю.

– Ну, ты даёшь, старик. А где же ты жил- то все это время?

Старик смотрит на неё с улыбкой и усмехается.

– В богадельне.

Вероника прислушивается, будто впервые слышит это слово.

– Где? А что это такое?

– Ну, в общем, – подбирает он слова, – это тоже самое, что и твой приют. Только для стариков, вроде меня.

– А что у старичков тоже бывают приюты! Я не знала. Там, наверняка, тоже противно.

– Бывает.

– А пряники по вечерам дают?

– Да нет. Я не люблю пряники.

Они подходят к высокому зданию, закрытому строительными лесами. Девочка пригибается и исчезает под плёнкой накрывающей строительные леса. Мужчина ныряет за ней. Они проходят вдоль дома. Девочка открывает дверь, и они оказываются в полутемном коридоре.

Вероника подходит к железной двери, перед которой навалены строительные отходы, роется в кирпичах и вытаскивает оттуда отвёртку. Вставляет её в щель и через секунду дверь со скрипом открывается.

– Заходи.

Старик несколько секунд раздумывает и делает шаг в темноту. Они спускаются на один лестничный пролёт и входят в подвал. Вероника осторожно поворачивает лампочку.

Вспыхивает свет. Старик щурится и закрывает лицо рукой. Пространство подвала разрезают серые бетонные блоки и крашенные трубы. На земляном полу беспорядочно валяются обломки старой мебели, пустые банки из под пива, бутылки, рваная обувь, виниловые пластинки и глянцевые журналы. На стенах висят обрывки постеров.

– Ну, что? Нравится мой подвал? Добро пожаловать. – спрашивает Вероника.

– Здесь, кажется, живёт кто-то ещё? – спрашивает Александр и с любопытством осматривается.

– Сейчас никто. Но раньше здесь разные люди жили. Толи строители, толи бомжи. Но ты не волнуйся, здесь тебя никто не найдёт.

– Ты думаешь?

– Точно. Я уже долго живу здесь одна. Давно никто не приходил.

Александр поднимает с земли и разглядывает рваную книгу.

– Ну, тогда это то, что мне нужно.

Он устало выдыхает, вешает плащ на трубу и осторожно садится на деревянный стул.

– А, может быть, ты все забыл? Я слышала, бывают такие случаи, когда старики все забывают и пропадают? Ну, у них болезнь такая – всё забывать.

– Нет. Я просто спрыгнул в воду и не хочу ничего вспоминать. Да и нечего.

– С такой высоты – я бы не решилась. А почему ты сбежал из этого своей как её, ну приюта?

– Хорошие девочки не должны быть такими любопытными.

– А я плохая. Хорошие люди в подвалах не живут. А теперь приступим к делу.

Вероника ходит по подвалу с серьёзным задумчивым видом. Снимает куртку и вешает её на гвоздь.

– Для начала тебе нужно изменить внешность. Подстричь свои лохмотья и отмыться.

Александр вопросительно смотрит на Веронику.

– Здесь, что и вода есть? Да это лучшие апартаменты в моей жизни.

Вероника утвердительно кивает, берет его за руку и ведёт вглубь подвала. Они подходят к ржавой вертикальной трубе, к которой приварены два вентиля. Вероника указывает на них пальцем и откручивает каждый поочерёдно.

– Вот холодная. А вот тёплая. А вот кусочек мыла и бритва. Прошу.

– Это же чужие вещи!?! Я не могу.

В ответ на это Вероника презрительно фыркает.

– Если хочешь, ходи, как бомж. Я не возражаю. Только учти, если ты выйдешь в таком виде, тебя тут же сцапают. Камеры наблюдения висят на каждом доме. Тебя уже давно сфотографировали.

Александр вытирает лицо рукой и смотрит на свои грязные руки.

– Пожалуй ты права. Хорошо, я согласен. Нужно привести себя в порядок.

Вероника удаляется в освещённое место и пока Александр бреется, она обыскивает все карманы плаща Александра. В карманах она ничего не находит и вешает плащ на прежнее место. Достает маленькое зеркало и расчёску и укладывает волосы. Удовлетворённая результатом, Вероника что-то напевает. В это время появляется Александр

Александр и Вероника смотрят друг другу в глаза. Она

повзрослела и изменилась. Теперь она выглядит уже не пятилетней бродяжкой, а худенькой девочкой десяти лет в широких джинсах с узкими хитрыми глазами. Мокрые от дождя волосы аккуратно уложены. На левой щеке видна родинка.

Александр тоже изменился. В его лице уже нет прежнего сумасшествия и слабости. В глазах появилось сосредоточенность. Это уже не сутулый старик, а в пожилой, но ещё крепкий мужчина лет пятидесяти.

Вероника достаёт ножницы, расчёску и ставит под лампочкой деревянный ящик.

– Садись, – приказывает она.

Он нехотя повинуется, поглядывая на инструменты в её руках.

– Страшно? – смеётся она и лязгает ножницами.

– Режь. Мне уже ничего не страшно. Я уже давно хотел над стилем поработать.

Вероника расчёсывает его волосы и с любопытством разглядывает его лицо. Двумя пальцами она поднимает его подбородок, поворачивает его голову в разные стороны. Затем берет большой клоч волос и резко отрезает его ножницами.

– Не бойся. Я сделаю тебя настоящим красавчиком, как на том плакате. Прядь за прядью Вероника отстригает его волосы и бросает на пол.

– Скажи, а зачем ты с моста – то нырнул?

– Это не очень интересная история.

– А мне же любопытно.

Александр откашливается в кулак.

– Ничего интересного. С детства хотел прыгнуть с этого моста. Да все как-то не получалось. Так и жизнь прошла. А потом я подумал, что будет как-то нехорошо умереть и не сделать то, что всегда хотел сделать. Как-то глупо, что ли. Вот и прыгнул. Глупо, да?

– И правильно сделал. Я вот всегда делаю, что хочу.

– Я это уже понял.

Вероника обходит Александра со всех сторон, осматривает причёску и, судя по её взгляду, остаётся вполне довольна своей работой.

– Ну, вот и все. Вставай. Сейчас примешь душ и поспишь. А завтра мы с тобой начнём весёлую жизнь.

Не ищи того, что потерял. Не теряй того, что ищешь.

Патрульная машина плавно шелестит по мокрому асфальту. Седой, через открытое окно равнодушно разглядывает редких и унылых прохожих. На его хмуром лице – явное недовольство и озабоченность.

– Послушай, а ведь тот старик с девчонкой чем—то напоминал нашего кузнечика? Ты не находишь?

– Не знаю. Там на мосту было темно. Хоть глаз выколи. Да и дождь хлестал по глазам. Я не мог разглядеть отчётливо

– И ещё ты забыл добавить, что сильно наложил в штаны,

чтобы разглядеть хоть что-нибудь необходимое, – перебивает его напарник.

– Послушай. Темно. Дождь. Как там разглядишь детали. К тому же, там наверху на ферме, я никакой девчонки не заметил, а этот бродяга был с девчонкой. Так что тут никак не связать. И её, я, кажется, где—то видел.

Седой оживает и поворачивается к Брюнету.

– Кого?

– Ну, эту девчонку, которая шла с этим стариком. Я ещё подумал, что это они так веселятся.

Седой злобно выключает приёмник.

– Эй, мы ищем старика, который пару часов назад пытался покончить жизнь самоубийством. А если тебе мерещатся какие-то девчонки, то тебе нужно идти стриптиз, а не в полицию.

– Точно, босс, я вспомнил – вскрикивает Брюнет. Её фото, кажется, висит над твоим столом. Помнишь? Она же в розыске. Поехали в участок?

– Странный у нас разговор получается. Я тебе про старика, ты мне про девчонку.

Машина проезжает мимо трёх вульгарно разукрашенных девушек с мужскими лицами в коротких юбках, которые, взявшись под руки, с серьёзными лицами целеустремлённо идут по тротуару.

– Нет. Мы никуда не поедем.

– Почему? Ты посмотри вокруг – кого здесь ловить – то?

– Ловить здесь может и некого, но мы не можем оставить район наблюдения.

– Да здесь одни наркоманы и извращенцы.– уговаривает Брюнет Седого.

– Мы будем просто патрулировать. А если обнаружим что-нибудь противозаконное – восстановим порядок. Я внятно излагаю свои принципы?

– Вполне, Седой! – недовольно ворчит Брюнет.

– Меня лично интересует не девчонка, а этот Старик. И твоя задача найти этого мужика. Завтра я уйду в отпуск и хочу сделать это со спокойной совестью. А дальше ты делай всё, что хочешь. Короче, не хотел бы я, чтобы этот старик и твоя бродяжка случайно встретились в тёмном переулке. Улавливаешь ход моих мыслей?

– Ничего. Людям свойственно ошибаться. Так что рано или поздно все попадаются.

Седой нажимает кнопку рации.

– Первый, посмотри сводки. Есть ли у нас какие-нибудь новости о пропавших? Не убежал ли там кто из психушки, из дома престарелых, и так далее? Возраст примерно шестьдесят. Если, что найдёшь – сразу мне. Как понял?

– Понял вас, четвёртый. Как там твой новенький стажер, справляется? – спрашивает голос на другом конце разговора.

– Могу сказать твердо, мне попался настоящий стервятник. Не пропускает ни одной девушки. Конец связи, – шутливо отвечает Седой и выключает рацию.

Седой поворачивается к Брюнету и хитро смеётся.

– А фотография над столом – это моя дочь, придурок.

Брюнет сконфуженно открывает рот и замирает. Седой толкает его локтем в бок.

– Закрой рот и поехали.

Брюнет фыркает, недовольно качает головой и обиженно косится на Седого. Машина трогается с места. Седой снова включает приёмник. Звучит лёгкий, ритмичный фанк, уносящий в беспечное путешествие по солнечным островам, где поют и танцуют радостные люди. И музыка эта словно манит и зовёт, но сама все дальше и дальше уплывает, словно не нашла себе приюта в мрачном туманном и унылом городе. Седой вздыхает и выключает приёмник.

Блуждая по чужим снам, никогда не знаешь, где проснёшься.

Александр лежит на деревянном паллете, укрытом картоном и смотрит в потолок. Его глаза безвольно закрываются. Вероника сидит рядом.

– Расскажи мне какую-нибудь страшную сказку, – просит она, пытаясь завязать диалог.

Его веки слегка поднимаются и тут же снова закрываются. Видно, что он уже не в силах справиться со сном.

– Да я уже забыл все сказки, – бурчит он.

– Тогда придумай какую-нибудь историю сам. Можно про

себя. Можно из книжки. Ты же наверняка много книжек прочёл. Только с приключениями и желательно очень страшную.

– Моя жизнь, Вероника, не самая интересная история.

– Ну, тогда, например, как ты прыгнул. Ну, придумай что-нибудь. Тебе же было страшно?

– Да нет. Просто вышел на улицу и решил немного прогуляться. Иногда мне нравится гулять по ночному городу. И, вдруг, я услышал женский голос. Осмотрелся по сторонам. Вокруг никого. Ну, думаю, показалось. Пошёл дальше. Затем ещё раз услышал тот же самый голос. Опять осмотрелся. Опять никого.

– А куда ты шёл – то?

– Не важно. И, вдруг, в небе я заметил большое серое облако. Как северное сияние. Оно медленно крутилось, вертелось, меняло очертания и превратилось в женское лицо. Ну, я и пошёл в ее сторону и вышел к мосту. А потом я вспомнил, что в детстве хотел прыгнуть с этого моста в воду. Я поднялся на мост. Залез на самый верх. И когда она исчезла, я прыгнул. Вот и все. Остальное ты знаешь. Страшно получилось?

Вероника оживает и садится чуть ближе.

– Ужас какой! А какая была она? Ну, эта женщина? Симпатичная хоть?

– Не знаю. Это же было облако. Как там разглядишь какая? Образ.

Вероника заинтересованно придвигается ближе к Александру.

– Какие у неё были глаза? Помнишь?

Александр открывает глаза и смотрит в глаза Вероники

– Как у тебя.

– А волосы, какого цвета?

– Вероника, это же было облако, – еле ворочает губами он.

– А причёска? Ну, вспомни, – толкает она его в плечо.

Александр лежит неподвижно, словно силы покинули его окончательно, и из последних сил ворочает губами.

– Кажется, пучок на затылке.

– Она красивая? Не то, что я? – осторожно спрашивает она и смотрит на его застывшие губы.

Александр не отвечает. Вероника слышит только его равномерное сонное дыхание. Она с досадой вздыхает, поднимается и выворачивает лампочку. Свет гаснет. И только тени, проникающие в подвал через небольшое окно, плывут абстрактными пятнами по стенам.

Если вас обманывают, а вы не верите, значит, вас развлекают.

Город. Улица. Ночь. Один за другим в окнах гаснут огни, и только одинокая патрульная машина неторопливо плывёт по мокрым улицам. Брюнет энергично двигает плечами в такт джазовым ритмам. Седой откровенно зевает.

– Да выключи эту дрянь. Думать мешает, – ворчит он.

Брюнет выключает приёмник и с укором смотрит на Седого.

– Итак, что мы имеем? – продолжает Седой, – старого кузнечика, малолетнюю девчонку и пустой мокрый ботинок. Что-то тут не вяжется?

– Да. Не густо. Знаешь, у меня какое-то странное предчувствие. Оно меня никогда не подводило. Вот вроде делаю всё правильно. А предчувствие говорит, что неправильно.

– Так и у меня такое же ощущение. Только наоборот. Вроде делаю всё не так. Но чувю, что мы идём туда, куда нужно.

– Тогда думай. Может ли этот, выживший из ума, дряхлый старик в одном ботинке, прыгнуть с моста, освежиться в вонючей воде, выбраться на берег, снять на берегу юную куколку с пухлыми губками и отправиться с ней в бар пропустить по рюмочке?

Брюнет улыбается и косится на напарника.

– Думаю, нет. Это слишком дерзко. Хотя он был такой шустрый, что я бы не стал отбрасывать это предположение и оставил его в качестве дополнительной версии.

Теперь уже Седой смотрит на Брюнета и усмехается.

– Какой ты умный! А я думаю так. Раз у тебя сегодня первое дежурство, вот ты и решай. А я буду мудро направлять твои действия в правильное русло.

– Ты это серьёзно?

– А почему бы и нет? Сегодня твой первый день. И потом

тебе самому нужно учиться думать, а не выполнять чужие поручения. Договорились? Короче, ты работаешь – я отдыхаю.

Брюнет присвистывает от радости.

– Вот это по-нашему. Так точно, Босс. Ты прирождённый мотиватор.

– Но помни. Все должно быть под моим контролем. И ещё, ровно к двенадцати часам, то есть к концу смены, ты должен его найти, – грозит Седой указательным пальцем.

– Согласен, Босс. Итак. Я начинаю? Круто!

– Начинай. А я пока подумую.

Брюнет радостно взвизгивает и размахивает кулаками. Седой откидывается, устраивается в кресле и прикрывает глаза.

– Вот что я думаю по этому поводу. Скоро он проголодается, и у него останутся только два варианта. Либо вернуться домой, либо что-нибудь украсть в магазине. Вот тогда, надеюсь, он и наследит. Камеры его тут же зафиксируют. Правильно? Что скажешь?

– Правильно, – добродушно ворчит Седой. – А пока и мы тоже что-нибудь перекусим. Поехали к Кларе. У неё всегда есть что-нибудь вкусненькое. В нашей работе главное – уметь ждать. Поехали.

Брюнет резко разворачивает машину и прибавляет газу. Седой включает приёмник. Из динамиков звучит всё та же импровизация.

– Вот это нормальная музыка.

Машина виляет хвостом и исчезает за поворотом в поисках происшествий.

За каждой неожиданной потерей идёт давно назначенная встреча.

С каждым часом ночь всё ниже и ниже спускается на город, разгоняя редких неуместных пешеходов по домам. А тех, кто уже спрятался в своих квартирах, вынуждая прятаться под одеяла и блаженно закрывать глаза в надежде на доброе ясное утро.

Вероника идёт по тротуару, надвинув козырёк, и vorовато озирается по сторонам. Цепкий взгляд, словно сканер, просматривает все, что может принести хоть малейшую случайную неприятность. Возле освещённых парковок она надвигает козырёк на лоб пониже, скрываясь от камер видеонаблюдения. На ней та же куртка и широкие джинсы. Но это уже не беспечная походка ребёнка, а ритмичная походка подростка. Глаза подведены карандашом, а губы вульгарно накрашены. Иногда она замедляет шаг возле стеклянных витрин и разглядывает своё отражение.

Поравнявшись с ночным магазином, Вероника останавливается, оглядывается по сторонам и решительно входит внутрь. Раздаётся звон колокольчика. В магазине нет ни одного покупателя. За прилавком у кассового аппарата стоит

прыщавый увалень с пластиковым козырьком на голове и сонно моргает ресницами.

Увалень в знак приветствия кивает ей головой и пытается изобразить улыбку. Но у него почему-то выходит кривой зевок. Вероника кокетливо улыбается в ответ и проходит вдоль стоек с упакованными продуктами. Юноша с любопытством разглядывает Веронику, вытянув свою толстую шею.

Осмотрев магазин, Вероника подходит к прилавку с пустыми руками. Перед ней лежат несколько бумажных пакетов, слегка пропитанных маслом. Юноша смотрит ей в глаза и застенчиво отводит взгляд в сторону. Вероника указывает пальцем на стойку за его спиной.

– Сколько стоят вон те чипсы? – указывает она на витрину за спиной юноши.

Юноша суетливо поворачивается к витрине и разглядывает продукты. Отыскав глазами шелестящий пакет чипсов, он неловко вытаскивает его с полки. Несколько пакетов падают на пол, и юноша тут же склоняется поднять их. Пытается положить их на место, но они всё падают и падают.

В этот момент Вероника быстрым и плавным движением снимает с прилавка бумажный пакет и быстро прячет его под куртку. Когда юноша, наконец, снова поворачивается к ней и выкладывает чипсы прямо перед ней на стойку Вероника, хмуря брови, качает головой.

– Извините. Спасибо. Я передумала, – отшучивается она

и торопливо выходит из магазина.

Увалень пожимает плечами и со злобой убирает. Когда он оборачивается Вероники в магазине уже нет.

Вероника сворачивает за угол, ускоряет шаг и быстро скрывается во дворах. Через несколько метров, убедившись, что за ней нет погони она останавливается, заглядывает внутрь пакета, радостно присвистывает и уже совершенно спокойно шагает дальше.

Когда она проходит мимо стенда со свежими газетами и афишами, она останавливается. На одном из них висят фотографии людей, разыскиваемых полицией. Она внимательно разглядывает их черно-белые лица и находит свою фотографию. Она срывает снимок, прячет его в карман и быстро удаляется.

Проходя мимо вспыхивающей витрины магазина свадебного платья, он смотрит на своё отражение и делает реверанс.

– Я звезда! – восклицает она.

Через двести метров она замечает в нескольких метрах перед собой припаркованную патрульную машину. Замирает, как кошка, оглядывается и ныряет в ближайший бар.

Войдя внутрь, Вероника осматривает столики. Посетителей почти нет. В дальнем углу бара в обнимку сидит влюблённая и выпившая парочка. За другим столом одиноко сидит Брюнет и торопливо вытирает рот салфеткой. Он бросает на неё беглый взгляд и отворачивается. Перед ним бутыл-

ка лимонада и уже пустая тарелка.

Вероника направляется к стойке и становится к нему спиной, словно смотрит на экран телевизора. За стойкой никого нет. Она нервно постукивает пальцами по стойке и косится на Брюнета, словно пытается предугадать его действия.

Брюнет бросает салфетку на стол, поднимается и направляется к туалету.

Вероника провожает его взглядом и, как только дверь с кашлем закрывается, проплывая мимо его столика широким жестом, снимает бутылку со стола. Через мгновение она исчезает.

Брюнет выходит из туалета, подходит к столу и растерянно смотрит то на свой стол, то на стойку бара. Оглядывает соседние столики, стойку бара, заглядывает под стол. Встаёт на колени, пытаясь обнаружить бутылку. Затем резко встаёт, словно подскакивает. Бросает мелочь в блюдце и торопливо выходит из бара. Вокруг никого нет. На его лице сосредоточенное недоумение. Он разводит руками, хмурит брови и неуклюжей подпрыгивающей походкой направляется к машине.

*Когда люди боятся потерять сильнее,
чем хотят найти – начинается великая повседневность.*

Полумрак подвала. Александр лежит на деревянном настиле. Его глаза закрыты. Он тихо что-то бормочет и улыба-

ется во сне. На нем куртка униформа и рваные кроссовки.

Вероника разглядывает его лицо, осторожно протягивает руку и слегка прикасается пальцами к его руке. Он тут же открывает глаза и испуганно озирается.

– Ты кто? – оглядывается он по сторонам.

– Я – Вероника.

– А, – протягивает он басовито.

– А что я здесь делаю?

– То же что и я. Ты здесь живёшь. Вот бери и ешь.

Вероника подсаживается к нему ближе.

– Ты что опять ничего не помнишь?

Александр сосредоточенно смотрит в её вульгарно накрашенные глаза и на и губы.

– Помню, но честно говоря, без подробностей.

Вероника ставит перед ним пакет с гамбургером и бутылку с лимонадом и садится рядом.

– Ты забрался на мост. Помнишь?

Александр жадно жуёт гамбургер и кивает головой.

– И прыгнул в воду. За тобой погнались патрульные, но мы убежали. Я спрятала тебя здесь. Ты помылся, побрился, переоделся и уснул.

– Это я помню. Только без этого макияжа – ты выглядела значительно лучше.

Вероника обиженно стирает краску с губ.

– Подумаешь! Я, между прочим, ходила искать тебе еду.

– Ты будешь есть? – прожёвывает он слова с мясом впе-

ремешку.

– Я уже поела немного. Как ты себя чувствуешь?

– Можно сказать прекрасно, – ворчит Александр, озираясь по сторонам, и продолжает, – Знаешь, Вероника, я думаю, что мне пора идти.

– Как уже? Куда?

– А что ты предлагаешь, мне остаться и закончить свою жизнь в подвале?

Вероника напряжённо думает.

– Хочешь позвонить, и тебя отвезут в эту как ее... богадельню, кажется.

– Э, нет! – перебивает её Александр. – Я больше не хочу, чтобы кто-то меня куда-то возил. Тем более в богадельню. А ты, почему не хочешь вернуться в свой приют?

– Зачем. Мне и здесь хорошо, – обиженно бубнит Вероника.

– Но ты же не должна жить в подвале.

– Я знаю. Я тоже давно хотела отсюда смотаться. Но пока некуда. Думала, мы уйдём куда-нибудь вместе.

Вероника глубоко вздыхает, замирает в нелепой позе и тревожно смотрит в его глаза. Он виновато отводит их в сторону.

– Вместе? Куда? Как я могу взять тебя с собой, если сам не знаю куда идти.

Вероника хмурит брови, между которыми появляется маленькая морщинка.

– Почему? Начнём новую жизнь.

– Потому что я ещё не знаю, куда пойду.

– Мне всё равно. Да и куда ты сейчас без меня. У тебя нет ни телефона, ни денег. Без меня ты пропадёшь. На улицах столько сумасшедших. Я пойду с тобой, – решительно заявляет она.

– Уже обыскала?

– Сейчас нельзя доверять никому.

– Спасибо тебе за всё. Не хватало, чтобы нас ещё здесь нашли. Меня же сочтут маньяком и упрячут за решётку.

– Если бы я хотела тебя сдать полиции, я бы уже сто раз это могла сделать.

– Это верно.

– Да вдвоём нам будет легче, – настаивает она с мольбой во взгляде.

Вероника пытается заглянуть в его лицо. На её глазах наворачиваются слезы. Она старается стереть их незаметно, но краска предательски выдаёт её намерения, оставляя следы чёрной краски от тонких пальцев.

Она вытаскивает из кармана рваные лоскутки бумаги со снимком и бросает перед ним. Александр разглядывает фотографию.

– Это же ты.

– Да я. Как видишь я – звезда. Меня ищет все вокруг. Да и тебя тоже, кстати.

Он комкает листок и поднимает глаза на Веронику. Они,

не отрываясь, смотрят друг другу в глаза. Он обнимает её узкие плечи и тяжело вздыхает.

– А давай я к тебе завтра приду.

– Нет. Меня уже здесь не будет, – решительно заявляет Вероника.

– А где же ты будешь?

– Не знаю.

Какое-то время они сидят молча, и разглядывают подвал и мусор валяющийся на земле. Спустя несколько мгновений Александр радостно восклицает

– Знаешь, что? Давай во что-нибудь поиграем? – предлагает Александр весело и треплет её волосы.

– Я не умею играть в игры, я уже взрослая, – капризничает Вероника.

– А давай сыграем в прятки? Это же крутая игра.

На этих словах в глазах Вероники сверкает огонёк и на губах появляется робкая тень улыбки.

– В прятки? А на что мы будем играть?

– Как на что? Да на что угодно.

Александр оглядывает себя, словно пытается отыскать хоть одну вещь и постукивает по пустым карманам.

– Годится. Когда-нибудь обязательно будет. Тогда и отдашь, – отмахивается она.

Александр добродушно усмехается. Вероника утирает чёрные от краски глаза и робко улыбается.

– Хорошо. Тогда давай на исполнение желания. Если я те-

бя найду, ты будешь должен исполнить любое моё желание.

– А если я выиграю?

– Тогда я сделаю все, что захочешь ты. Договор? – бурчит она и открывает перед ним свою ладошку.

– Ну пусть будет так, – соглашается он и протягивает ей ладонь.

Они хлопают в ладоши три раза и Александр поднимается.

– Я прячусь первый. Ты закрываешь глаза и считаешь до ста. После этого ты начинаешь меня искать.

– Я до ста не хочу. Это долго, – перебивает его Вероника.

– Это не важно, – успокаивает он её. – Считай, сколько хочешь. А я, тем временем где-нибудь спрячусь. Понятно? А потом ты меня ищи.

Александр стирает остатки туши с её лица. Вероника закрывает глаза ладонями.

– Иди. Прячься.

Александр, сутулясь, пробирается по тёмному проходу. Вероника, шевеля губами, вслух считает до десяти и начинает считать сначала. Когда он подходит к двери подвала, то уже не слышит её голоса. Открывает дверь и выбирается наружу. Натягивает плащ и осматривается.

Вероника открывает глаза и осматривает подвал. Картинки, словно фотографии, щёлкают перед глазами. Трубы, бетонные столбы, фотографии на стенах. Пустые бутылки.

Вероника выбегает на улицу и ищет глазами Александра.

Дома, машины, деревья, рекламные щиты – все крутится и вертится у неё перед глазами.

Вероника останавливается, чтобы перевести дух и вдруг, круговорот картинок перед её глазами останавливается, она замечает его фигуру противоположной стороне улицы.

Вероника переходит на его сторону улицы и крадучись идёт следом в пятидесяти шагах. Когда он оборачивается, она прячется, чтобы не попасться ему на глаза.

Чем выше твоя мечта, тем глубже твоя тайна.

Седой входит в лавку, где до этого побывала Вероника и проходит к стойке, за которой, опёршись на локоть, стоит пышногрудая блондинка лет сорока пяти. Она замечает Седого, жеманно улыбается и разводит руками. В зале угрюмый увалень, у которого несколько минут назад Вероника украла курицу, раскладывает продукты на стойке.

Седой подходит к блондинке, облакачивается на прилавок и пристально смотрит в её усталые, слегка припухшие карие глаза.

– Ну, здравствуй, Клара. Тебе, я вижу, не спится по ночам? Завидую твоему энтузиазму.

Блондинка склоняется к Седому так, чтобы его взгляд невольно падал на ее смуглый и убедительный бюст.

– Так же как и тебе, мой сладкий охранник. А что ж тебя носит по ночам?

Седой переводит взгляд на её грудь.

– Бьюсь об заклад, ты видишь в этом неслучайное совпадение?

Блондинка поправляет причёску и деловито протирает руки салфеткой.

– Говорят, ты завтра уходишь в отпуск?, – игриво замечает Клара.

– Да. Давно мечтаю порыбачить на озере.

– С твоим постоянством трудно поспорить. Может быть начнёшь ходить на охоту?

Седой постукивает по прилавку пальцами и осматривает магазин.

Блондинка берет его за пуговицу и склоняется к его уху.

– Как ни странно я тоже ухожу в отпуск. Вот такое у нас вышло совпадение.

– А ты все так же отказываешься разделить со мной радость ритуала.

Седой шутливо грозит ей пальцем. Через секунду его взгляд снова становится серьёзным.

– Как обстановка?

Блондинка хмурит брови, словно старается что-то вспомнить.

– Всё как нельзя плачевно. – кокетливо мурлычет она.

Он смотрит на её грудь и с сочувствием качает головой, как китайский болванчик. Блондинка ставит бокал на стойку и кивает на юношу.

– Посмотри на этого переростка. Говорит, что зашла какая-то малолетка, и украла с прилавка пакет, который я приготовила для тебя. Свежие горячие бутерброды с солёным огурчиком и куриной грудкой. Всё, как ты любишь.

– Понятно. Значит я сегодня без сюрпризов?

– Извини.

Седой смотрит на продавца. Тот виновато насупившись, отворачивается.

– Но ты уж не увольняй его, а то, я значительно прибавлю в весе. Что поделаешь – в его годы я тоже смотрел только на девчонок, а не на бутерброды.

Седой манит Увальня пальцем. Тот виновато подходит к Седому.

– Скажи, а ты не запомнил чего-нибудь интересного в этой девчонке. В одежде, на лице, в походке. Может татухи какие были?

Юноша стыдливо качает головой.

– Кажется, ничего. У неё были губы ярко покрашены и глаза.

Седой впивается в него пристальным взглядом. Юноша виновато отводит глаза.

– Фигура? Одежда? Голос?

Юноша снова отрицательно качает головой.

– Она была симпатичная? – не отстаёт он от юноши.

На слове симпатичная продавец тут же утвердительно кивает головой.

– Родинка. У неё на щеке была родинка. Маленькая. Вот здесь.

Тут увалень показывает на своей щеке место родинки и тут же стыдливо краснеет. Седой хлопает его по плечу и поворачивается к блондинке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.